

ЗАЧЕМ НАМ ЭТА ПАМЯТЬ?

текст Людмила Мельниченко

фото предоставлены Самарским литературно-мемориальным музеем имени М. Горького

В октябре 2023 года исполнится 180 лет со дня рождения писателя Глеба Успенского. Хорошо известно, что Успенский связан с Кинельской землёй, приезжал сюда в семидесятые годы позапрошлого века, жил в селе Сколково, описав и его, и другие окрестные деревни и сёла в очерках «Власть земли», «Из деревенского дневника», «На родной ниве» и ещё некоторых других.

К.Ф. Печуричко. Здание ссудо-сберегательного товарищества в Сколково, где жил и работал Г. Успенский

Когда-то имя Успенского было знакомо каждому школьнику, его книги переиздавались, а в Сколково даже установили мемориальную доску и проводили праздники и встречи с писателями, на которых рассказывали и об Успенском тоже. Но вот прошло время, и сегодня имя Глеба Успенского, как и имена ещё многих других писателей и деятелей культуры, ушло под толщу воды, как сказочная Атлантида. Что произошло, почему это случилось? И надо ли сегодня кинельцам и жителям района помнить о том, что давным-давно по их земле ходил тот, кто написал «Выпрямила»? Зачем им эта память? Об этом беседем сегодня с доктором филологических наук, профессором Самарского университета и научным сотрудником Самарского литературного музея Михаилом Перепёлкиным.

С&Г Михаил Анатольевич, почему же забыты имена многих достойных памяти деятелей культуры и литературы? Того же Глеба Успенского, например?

Михаил Перепёлкин На мой взгляд, здесь всё совершенно понятно. Любая память требует сохранения и, я бы сказал, возобновления. Потому что память – это искусство, требующее работы. Причём искусство это очень сложное, а значит и работа должна быть творческой, отвечающей духу времени. В девяностые же годы прошлого века, когда по известным причинам рухнуло многое, перестали работать и прежние механизмы припоминания. Прежние смыслы обесмыслились, а новые так и не были найдены. Вот в этом и состоит всё дело.

С&Г Хорошо, давайте тогда вернёмся к самим «смыслам». Итак, на дворе 1870-е годы, и в село Сколково приехал Глеб Успенский...

М.П. Да, всё это в своё время было хорошо и подробно изучено, и об этом много написано. Успенский приехал в Сколково Богдановской волости Самарского уезда весной 1878 года вместе с женой, Александрой Васильевной. Незадолго до этого он познакомился в Петербурге с известным золотопромышленником К.М. Сибиряковым, владельцем сколковского имения, с помощью которого и получил должность письмоводителя в местном ссудо-сберегательном товариществе, а его жена – место учителя в деревенской школе. Зачем ему это было нужно? Об этом он сам писал в одном из писем так: «Мне необходимо июнь, июль и август провести в России, в деревне. Это для меня необходимо, как воздух, это не отдых. Я теперь ищу случая облечь мои мысли в плоть и кровь... Повторяю, это не отдых, а самое настоящее дело». Выходит, приехал, чтобы делать дело. И вместо трёх месяцев он пробыл

здесь больше года. Обошёл и объехал всю округу – Гвардейцы, Заглядино, Кривую Луку, Богдановку, Новый Сарбай... Собрал уйму материала, сделал десятки заметок на будущее. А потом осмыслил всё это в очерках о Самарской деревне, которые и были, и остаются непревзойдённым документом, причём документом не только историческим, но человеческим. Мне кажется, многое из того, что будет происходить с деревней уже в XX веке и происходит сегодня, Успенский сумел отметить очень точно и безошибочно.

Осенью 1879-го Успенские из Сколково уехали в Новгородскую губернию, в деревню Сябраницы, но и там о своих самарских впечатлениях писатель ещё долго не забывал...

С&Г Да и его самого здесь долго ещё вспоминали!

М.П. Разумеется. Например, судебный следователь Яков Тейтель. В самом начале XX столетия в одной из самарских газет была опубликована беседа с ним, в которой он рассказал о своём знакомстве с

Успенским и о том, как последний присутствовал при вскрытии трупа в Сколково. Дело в том, что Тейтель получил известие о якобы совершённом в этом селе убийстве и отправился с доктором-экспертом расследовать обстоятельства случившегося. Так вот, по словам Тейтеля, Успенский, как ребёнок, радовался, когда выяснилось, что никакого убийства не было, а крестьянин умер сам, своей смертью. Кстати, Тейтель же рассказал и о том, что когда Успенский уезжал из Сколково, он очень беспокоился о дальнейшей судьбе служившего у него некоего Осипа, хлопотал о том, чтобы устроить его судьбу.

С&Г Ну, хорошо. И вот Успенский уехал из-под Самары, что же было дальше?

М.П. Дальше были книги, слава, сумасшествие и смерть.

С&Г Сумасшествие?

М.П. Да, уже в 1890-е годы. Когда это случилось с ним, литературный фонд поместил его в больницу для душевнобольных в Колмове и ежемесячно ассигновал на его содержание двадцать по пять рублей. Газеты нечасто, но иногда сообщали о том, как он себя чувствует. «Полный распад умственной деятельности с состояниями развившегося бреда. Не ориентируется ни во времени, ни в местонахождении...». В 1902-м умер и был похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища в Петербурге.

С&Г А книги его в это время читали?

М.П. Думаю, не ошибусь, если скажу, что в конце XIX – начале XX веков это один из самых читаемых авторов. Тиражи, кстати, были гигантские! Да и потом его ещё долго помнили тоже. Переиздавали, изучали... В пятидесятые и в шестидесятые – очень активно. После Великой Отечественной войны был восстановлен дом Успенских в Новгородской области, открыта первая музейная экспозиция. Потом дом отстроили заново, по прежнему плану, и в 67-м первых посетителей принял уже обновлённый музей. Наверное, эти музейные события и подогрели ещё раз интерес к писателю, на 125-летие которого в 68-м откликнулись очень многие газеты в самых разных городах.

С&Г И в Куйбышеве – тоже?

М.П. У нас – это был вообще особый случай. Дело в том, что Куйбышевский музей имени М. Горького, ещё совсем недавно монографический музей, посвящённый одному писателю – Горькому – стал музеем всей литературы региона. Соответственно, осваивались ранее неосвоенные темы, изучались новые имена, разыскивались материалы... Во время подготовки экспозиции, посвящённой Успенскому, сотрудники нашего музея обращались в Ленинград, в Пушкинский дом, отсюда в Куйбышев прислали список материалов, которые могли иметь отношение к самарскому эпизоду в жизни Успенского. Тогда же, в шестидесятые, сотрудники музея выезжали в Сколково, встречались с жителями, фотографировали места, связанные с памятью об Успенском. В это же время художнику К.Ф. Печуричко были заказаны офорты, которые он и выполнил для музея.

С&Г Расскажите об этих офортах, пожалуйста. Мы совсем ничего о них не знаем...

М.П. Был в Куйбышеве такой художник, очень талантливый, Константин Фёдорович Печуричко. Му-

зей заказал ему серию офортов «По литературным местам области»: гаринская Гундоровка, толстовская Сосновка, Ширяево, места Льва Толстого в нынешнем Алексеевском районе, Сколково. Офорты нужны были музею для новой экспозиции, чтобы показать посетителям эти самые литературные места. Работал Печуричко очень ответственно, по-научному: по несколько раз выезжал в каждую местность, изучал сохранившиеся планы, воспоминания местных жителей, то есть каждый его офорт – это сам по себе ценнейший документ сегодня, по прошествии полстолетия со времени создания этих его работ. В середине 70-х все офорты были готовы, и в Куйбышевском литературном музее была организована большая выставка Печуричко.

А экспозиция, посвящённая Успенскому, просуществовала у нас до закрытия головного здания музея, то есть до середины 1980-х и теперь пока хранится в фондах, ждёт завтрашнего дня... Кстати, про день завтрашний. Помнится, жил у вас в районе В. Никитин, работавший в Богдановской школе завучем. Это был замечательный человек, много занимавшийся краеведческой и поисковой работой, воспитывавший своих учеников через воспитание у них интереса к земле, на которой они родились и жили. Именно он тогда первым высказал идею об открытии в Сколково литературного музея – увы, так и не осуществлённую. «Я думаю, что открытие литературного музея в Сколково – это наша общая задача, задача не только сколковцев, а всех жителей города и района», – вот что он писал в одной из своих заметок на страницах объединённой кинельской газеты «Путь к коммунизму».

С&Г Ну, это же утопическая идея?

М.П. Почему утопическая? Совсем нет, идея вполне реалистическая. Во всяком случае в восьмидесятые годы она такой и была. Тогда же, в конце 80-х, в Сколково устраивались общественно-литературные праздники, ставились сцены «Из деревенского дневника», все желающие могли посетить дом, в котором жил Успенский. То есть от идеи музея до её воплощения, казалось, протяни только руку. Но пришёл 91-й год, и всё пошло прахом.

Что сегодня там – не знаю, я был в этом селе лет десять назад, когда мы снимали одну из передач из цикла «Очарованный странник» на телеканале «Губерния». Дом ссудо-сберегательного товарищества с мемориальной доской на нём был цел, «крестовый» дом – тоже, а вот барского дома, увы, нет. Двухэтажный красавец, с мансардой, двумя парадными недавно сгорел. И всё-таки, мне кажется, ещё не поздно сохранить то, что уцелело. Глеб Успенский со своим превосходным знанием крестьянства – важная фигура в русской литературе. Мне даже думается, что Успенский – это ключ к пониманию той трагедии деревни, которая случилась с ней в XX веке: сначала раскулачивание, потом объявление тысяч деревень бесперспективными, ещё позже – полный развал хозяйства и безработица. Но, может быть, в Успенском спрятаны и совсем другие ключи: помните, мы говорили о его сумасшествии? Жил в больнице для душевнобольных, себя называл «святым Глебом», а ещё – Иваньчем. Причём, «Глеба» понимал как тёплое, материнское, а «Иваньча» как что-то злое, отцовское... В общем, патриархальность, столкнувшаяся лоб в лоб с новым и не выдержавшая этого столкновения... В любом случае, это мог бы быть замечательный туристический маршрут для самарцев и гостей города, а для местных жителей – рабочие места и возможность продолжать жить на своей земле. Но для этого землю эту нужно прежде возделывать.

К.Ф. Печуричко. Сколково